

Палпатин был мертв, убит единственным человеком, способным сделать это, но до сих пор не имевшим мотивации;

человеком, разум и душа которого, как верил Император, принадлежали ему;

человеком, который в те последние часы был готов отдать свою жизнь, чтобы свергнуть Императора.

Человек, который лежал в неподвижной тишине после шести часов операции, белая простыня, которая колыбалась при его медленном дыхании, казалась Маре слишком похожей на саван.

Вокруг нее во Дворце, вероятно, творился суший ад, поскольку его сторонники пытались скрыть правду и стабилизировать Империю в соответствии с тщательно спланированной программой.

Для Мары это больше не имело значения;

она существовала вне времени и пространства в пузыре реальности, определяемом поверхностным

дыханием человека, которого она предала.

Человека, которого она спасла.

Человека, которого она...

Она стояла рядом с ним в темноте, пока он лежал без сознания... и плакала.

Впервые с тех пор, как она была ребенком, она плакала, слезы текли незаметно по ее щекам, ее челюсти были плотно сжаты, чтобы сдержать рыдание, подступившее к горлу.

Она плакала, потому что Палпатин ушел.

Потому что она была благодарна Люку за то, что он был здесь.

Она плакала от облегчения.

За то, что она потеряла, за то, что она приобрела

- за то, что, как она боялась, она отвергла безвозвратно.

Он вошел в ее жизнь и перевернул все

- все, во что она верила, с ног на голову.

Каждый урок, каждую точку зрения, каждое убеждение.

Потряс ее убеждения до глубины души.

Но совсем не так;

не силой или манипуляцией, о которых она так хорошо знала, а постепенно и убедительно.

Легчайшее прикосновение, малейший толчок, тончайшее поощрение, не обращая внимания на свою власть над ней.

Одна в бархатных тенях самого мучительного, изнурительного, ужасающего дня в своей жизни, она стояла и наблюдала за причиной всей этой душевной боли, пока он лежал в абсолютной неподвижности, тусклый свет сканера делал дискретные дорожки вверх и вниз по нижней стороне медицинской кровати, показания над ним обновлялись каждый раз, когда он возвращался в колыбель.

Мара Джейд медленно покачала головой, все еще находясь в шоке от событий дня.

Но не только ее мир был перевернут с ног на голову;

не только Дворец, или Корускант, и правительство, с военными.

Вся чертова галактика изменилась за несколько коротких часов... он просто еще не знал об этом.

Все было в движении, все менялось ... вокруг него;

его действия, его решения.

Было ли это тем, что его так долго сдерживало?

Потому что теперь, когда она действительно подумала об этом, это была ужасающая перспектива.

Галактика покоилась на его

плечах.

Судьба каждого разумного существа;

в цивилизации

- все это будет зависеть от его действий.

Каждый;

все повсюду повернулись бы к Корусканту и затаили дыхание, ожидая, боясь, надеясь.

Он определит направление истории... он уже это сделал.

Палпатин всегда легко нес это бремя;

смесь беспечного безразличия, глубоко укоренившейся веры в свое право править и абсолютной уверенности в себе даровала ему ясность видения и непоколебимую уверенность в том, что он может командовать с полной убежденностью.

Прав он или нет, спаситель или тиран, он проложил путь и привел свою Империю в порядок без колебаний.

Он объединил галактику, находящуюся в состоянии войны само с собой, под единым правлением и удержал ее там грубой силой и абсолютной, безжалостной волей.

Его слово было законом.

И все это бремя, командование и преемственность цивилизации, созданной Палпатином, теперь ляжет на Люка.

Человеку, который никогда не стремился к власти;

человеку, который постоянно подвергал сомнению принципы Империи и поносил императора.

Что бы вы ни говорили об абсолютном правлении Палпатина, но оно поддерживало мир в враждующих фракциях в течение двадцати лет.

Хватило бы у Люка воли, упорства,

уверенности, чтобы сделать то же самое?

Продвигать Империю, созданную Палпатином, вперед?

Он никогда не хотел власти;

Мара знала, что он так долго активно избегал ее.

Не думала, что он этого заслужил

- она невесело рассмеялась;

если кто и доказал свое право править, так это Люк за последние пять лет;

он побывал в аду и вернулся ... но не совсем вернулся

- никогда не вернется полностью.

Он пришел сюда как необработанный потенциал, полное тупое сопротивление, упрямые убеждения и наивные принципы, и Палпатин извлек способности, создал ситха и оттачивал его в огне жестоких испытаний, сильного давления и насильственных перемен, бросая вызов, подстрекательствуя, управляя и наказывая.

Принуждающий и направляющий, очищающий и совершенствующий.

Палпатин назвал его

"Его прекрасным клинком",

и она поняла почему.

Весь этот дикий огонь юношеской, безудержной поспешности и эта упрямая, своенравная способность отстаивать свои убеждения были умерены и сформированы в стойкость, дух и абсолютную бесстрашную отвагу.

Каждая слабость обнажена и сломлена, каждая сила усилена, каждая возможность реализованна .

Снова эта улыбка тронула уголки ее губ;

возможно, он был не так уж и не готов, как ему казалось тогда ... или ей.

Учитывая трудности, с которыми он сейчас столкнулся, по правде говоря, к лучшему, что идеалистичный, возмущенный пилот-повстанец, который прибыл сюда, был полностью очищен Палпатином;

его, брыкающегося, кричащего и

сопротивляющегося на каждом шагу пути, втащили на его законное место...

Его законное место;

это был первый раз, когда она когда-либо думала об этом.

Она, конечно, знала, что однажды он будет править.

Но в глубине души;

какой-то далекий, сказочный факт, который пока не требовал пристального рассмотрения.

Затем вчера ... вчера в нарастающей цепи ошибок и оплошностей со стороны человека, что всегда с невольным беспокойством находился в тени Палпатина, достиг предела своей выносливости и сорвался

- набросился на Мастера, который так много вложил в то, чтобы контролировать его, и дал выход многолетним злоупотреблениям и репрессиям;

показал своему Мастеру, как многому он научился.

И внезапно, одним действием, отчаянным решением, вызванным гневом, потерей и предательством, они оказались здесь.

Это была неизбежная, неумолимая судьба, которую все, даже она, так старались не замечать.

Разрываемая между своим учителем и возлюбленным, Мара чувствовала, что у нее, по крайней мере, есть какое-то оправдание своей невольной слепоте.

Какое возможное оправдание было у ее хозяина

- что настолько ослепило его перед растущей силой Люка и рушащейся совестью?

Он так много вложил в создание своего идеального защитника ситхов;

своего волка.

Внезапно Мара вспомнила предупреждение, сделанное ей давным-давно Люком:

"Если ты протянешь руку к волку, ты не должна удивляться, когда он укусит".

Потому что, осознав своего волка, Палпатин не столько протянул руку, сколько повернулся спиной;

потерял бдительность и принял его послушание как должное.

Но тогда, разве она не была виновна в том же самом... разве она сама когда-то не беспокоилась, что Скайуокер просто выжидает своего часа?

Она шагнула вперед, слегка проведя тыльной стороной пальцев по его поцарапанной щеке, вспоминая ужас и отчаяние в этих опустошенных глазах, когда он прибыл во Дворец всего несколько часов назад, зная, что его отец мертв, убит Палпатином.

Нет, это не было преднамеренным действием

- это были горе, потеря, ярость и опустошение, выплеснутые на того, кто их вызвал, без малейших признаков раскаяния ... но конечный результат был тем же.

Палпатин все был мертв, и нравилось ему это или нет

- хотел он того или нет

- Люк загнал себя и Империю в необратимый процесс.

Человек, которого Палпатин обучил правлению, собирался занять его место единственного и самого могущественного человека в галактике.

И ему нужно было править железной рукой, если он хотел удержать Империю в первые годы своей жизни;

остановить ее скатывание обратно в десятилетия гражданской войны, когда

претенденты соперничали за трон.

Понимал ли он это?

Даже если бы понимал, решил бы он действовать в соответствии с ним?

И если да ... то как?

Потому что, пока она стояла в неподвижной тишине, прижимая дрожащую руку к его покрытому синяками лицу, Мара осознала с ужасающей ясностью, от которой по ее спине пробежал холодок...

Хотя она делила с ним жизнь, его постель и крошечными, разбитыми осколками заглянула в его истерзанную душу... она понятия не имела, вообще никакого, о том, что он будет с этим всем делать.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1287991>